

ГУХМАН М. М.

ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ, ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ*

Термин «понятийные категории» появляется в работах И. И. Мещанинова 1945 г. [1, 2]. Появление этой новой для традиций отечественного языкознания единицы лингвистического описания было связано с частичным пересмотром высказывавшихся ранее положений и с изменением самого направления поисков ученого. Диахронический подход, доминировавший в типологических сопоставлениях, содержавшихся в первых капитальных трудах И. И. Мещанинова [3, 4], отходит на периферию в его дальнейших исследованиях. Неустанная, настойчивая работа над материалом разноструктурных языков, привлечение малоизученных бесписьменных и младописьменных языков Советского Союза раскрыли перед исследователем уязвимость диахронических построений, развивавшихся в упомянутых трудах. Проверая и пересматривая положения, соотношенные с учением о единстве глоттогонического процесса и стадийности, И. И. Мещанинов еще в 1940 г., т. е. в период создания своих стадийных построений, отмечал необязательность однонаправленной последовательности в трансформациях языков. Он писал тогда: «Можно полагать, что примеров языковых перестроек..., как-то перехода посессивной конструкции в эргативную (в абхазском, лакском) и т. д., удастся подобрать значительное количество, но я далеко не убежден в том, что все они будут свидетельствовать об однообразном ходе языкового развития. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что на материале любого языка удастся проследить те или иные моменты языковой структурной трансформации» [4, с. 200]. Иными словами, уже в период разработки синтаксического варианта учения о единстве глоттогонического процесса у И. И. Мещанинова возникали сомнения относительно универсального характера схем стадийных перестроек, намечавшихся в трудах тех лет.

Значительно определеннее эти сомнения в статьях второй половины 40-х годов, т. е. все еще до лингвистической дискуссии. «Здесь и становится вопрос о том, — писал И. И. Мещанинов в 1947 г., — в каком разрезе проводятся нами данного рода сопоставления различающихся языковых систем. Видим ли мы в них различные конструкции или же, кроме того, мы стоим перед необходимостью давать им также и соответствующее место в общей хронологии языкового процесса и имеем ли для этого достаточные данные» [5, с. 294]. Ответ на этот вопрос дается совершенно определенный: усматривать в подобных сопоставлениях «кроме схемы типологических различий, также и схему стадийной периодизации в значительной мере преждевременно» [5, с. 295] и далее: «Едва ли такие стадийные схемы отвечают историческому процессу развития».

Отход от формулировавшихся в предыдущие годы принципов диахронической типологии осуществлялся одновременно с постепенным включением нового комплекса идей, связанных преимущественно с проблемами синхронно-типологического изучения грамматических единиц разноструктурных языков. В известной степени решающими оказались годы пребывания И. И. Мещанинова в Алма-Ате, когда фактически кристаллизовались предпосылки нового понимания задач типологического изучения языков. Однако и в работах послевоенного периода термины «единство

* Текст доклада автора на симпозиуме «Типологические исследования на современном этапе и значение работ акад. И. И. Мещанинова» (Москва, 1983).

глоттогонического процесса», «стадиальность» сохраняются, но изменяют прежнюю внутреннюю форму. «Стадия» все определеннее приобретает значение «структурный тип языка», при этом автор отказывается от старой концепции о полном изоморфизме языковых и мыслительных структур, процессов развития языка и мышления, а стадия отныне характеризуется чисто языковыми параметрами.

Соответственно меняется и смысловая структура термина «единство глоттогонического процесса». Постулируемые трансформации теряют универсальность и обязательность. «То, что наблюдается в одних языках, может не иметь места в других. Они могут идти в своем развитии другими путями» [5, с. 311]. В том же 1947 г. в статье «Новое учение о языке на современном этапе развития» (примечательно само название) И. И. Мещанинов отмечает, что понимание единства глоттогонического процесса получает в значительной степени новое освещение. Речь идет об общих для ряда языков тенденциях «передачи одних и тех же понятий различными средствами лексики и грамматики» [5, с. 315], т. е. фактически о разновидности языковых универсалий. Новое содержание приобретает и понятие качественных изменений: они соотносятся не только с перестройкой целостных субъектно-предикативно-объектных структур, но и с изменениями «отдельных элементов речи» [5, с. 331].

Наряду с основными синтаксическими построениями внимание исследователя привлекают формы реализации категорий модальности, залога, числа, качества, количества. В условиях сопоставления языков с формально совершенно несходными образованиями повышенную значимость приобретает трактовка соотношения плана содержания и плана выражения, проблема, сложность которой неоднократно подчеркивал И. И. Мещанинов. И тогда вновь возникали вопросы, тревожившие ученого еще при создании его первых крупных работ: какие методические приемы, какой понятийный аппарат могут не только обеспечить объективность моделирования того огромного массива языков, которые привлекались им в процессе типологических сопоставлений и обобщений, но и раскрыть всю сложность взаимосвязей частного и общего в функционировании и развитии языков? Именно в те годы, в связи с необходимостью теоретически осмыслить принципиально новую информацию, которую принесли материалы языков, ранее не включавшихся в орбиту лингвистических исследований, особенно остро встал вопрос о преодолении традиционных схем грамматического описания, созданных преимущественно на материале индоевропейских языков и обусловленных спецификой строя этой языковой группы. К преодолению «индоевропеизма» в лингвистике вслед за Н. Я. Марром настойчиво призывал и И. И. Мещанинов.

Проблема эта имела не только теоретическое, но и практическое значение. Она была связана с выработкой принципов построения грамматик многочисленных разноструктурных языков Советского Союза, которые благодаря культурной революции впервые получили доступ в высшие сферы коммуникации. Преобразование младописьменных и бесписьменных языков в обработанные литературные языки, способные удовлетворять новым коммуникативным потребностям и задачам, возникавшим перед народами, говорящими на этих языках, с необходимостью предполагало создание адекватных их описаний.

С другой стороны, подобное описание, раскрывающее индивидуальные черты каждого языка, рассматривалось И. И. Мещаниновым как обязательное предварительное условие включения их в синхронно-типологические сопоставления.

В результате собственных исследований, а также в связи с критическим анализом наиболее известных работ конца XIX — начала XX вв. (Потебни, Шахматова, Вандриеса, Семира, Соссюра) в размышлениях И. И. Мещанинова определились два исходных положения: 1) сочетание в типологических сопоставлениях функционально-содержательных и формальных параметров и 2) изучение статуса предполагаемых универсальных категорий (у Мещанинова «категорий, общих для большинства языков») в соотношении с индивидуальными формами их реализации в конкретных язы-

ках, соотношение универсалий и категорий, получивших впоследствии у С. Д. Кацнельсона наименование идиоэтнических [6]. В практике типологических штудий оба положения оказались объединенными, стимулируя вместе с тем создание методики анализа типологических сопоставлений, ведущим звеном которой стала теория понятийных категорий. Немаловажную роль сыграло при этом еще одно обстоятельство.

В первых работах И. И. Мещанинова интересовала преимущественно содержательная сторона языка, комплекс вопросов, связанных с темой «язык и мышление». Лишь с середины 40-х годов, отчасти под влиянием возросшего интереса к синхронно-типологическим сопоставлениям, он уделяет все большее внимание формально-структурной стороне языка, в частности ее соотношению с содержательными категориями. Необходимым в этой связи оказалось уточнить отношение содержательного аспекта лингвистических единиц, формирующих предложение-высказывание, к понятийному аппарату логики и психологии — задача в те годы весьма актуальная, привлекавшая внимание многих теоретиков языкознания. Речь шла об «освобождении» лингвистики от давления понятийно-терминологической системы этих дисциплин. «Установлению (среди языковедов) общей точки зрения на связь языка с мышлением, — писал И. И. Мещанинов, — в значительной степени препятствовало слепое и безапелляционное позаимствование из учебников логики и психологии, сводящееся к попыткам истолкования языковых фактов под углом зрения выработанных в них (имеется в виду в логике и психологии) положений. Факты языка освещались со стороны вместо того, чтобы получить свое объяснение внутри себя» [2, с. 5]. Ссылаясь при этом на распространенное в грамматиках использование таких терминов, как «логический субъект», «логический объект» в их противопоставлении «грамматическому субъекту» и «объекту» (ср. традиционную схему залоговой трансформации типовых структур — *Рабочие строят дом — Дом был построен рабочими*, где, как утверждалось в соответствующей литературе, во втором предложении логический объект становится грамматическим субъектом и, наоборот, логический субъект занимает позицию грамматического объекта), И. И. Мещанинов подчеркивал, что подобный анализ не способствует познанию функциональных особенностей языковых явлений.

Еще более отчетливо уязвимость данной методики лингвистического анализа обнаруживается, по мнению И. И. Мещанинова, в применении к материалу таких языков, как адыгейский, где в зависимости от семантики сказуемого, определяющего характер отношения субъекта признака к процессу, меняется падежная форма субъекта, причем формально выделяются различия между продуктивным и непродуктивным (по терминологии Н. Ф. Яковлева и И. И. Мещанинова) субъектами: так, в адыгейском продуктивный субъект (подлежащее предложения с прямым дополнением) имеет показатель -м, дополнение либо определенную форму с показателем -р, либо нулевой показатель; непродуктивный же субъект (подлежащее безобъектного предложения) — показатель -р, совпадающий с объектным маркером переходного предложения [1, с. 161]. «Поэтому, — отмечает И. И. Мещанинов, — применение к ним обычных терминов „логический субъект“, „логический объект“ в их отождествлении или противопоставлении грамматическому субъекту и объекту ничего не дает» [2, с. 7].

Как известно, в языках с эргативным строем предложения, к которым относится и адыгейский, отсутствует универсальная форма обозначения субъекта-признака при сказуемом разной семантики. Глагол-сказуемое как бы управляет именными актантами, включая и форму субъекта-признака. В некоторых языках число падежных показателей, маркирующих поведение субъекта, его смысловые связи с приписываемым ему признаком, не ограничивается оппозицией двух падежных форм. В аварском языке, например, при переходном глаголе стоит эргативный творительный падеж, при непереходном — абсолютный, в сочетании с глаголами обладания — родительный, с глаголами чувствования — дательный и, наконец, при глаголах восприятия — местный. Оставляя в стороне вопрос

о синтаксической идентификации компонентов подобных отрезков — дискуссии по этой проблеме ведутся со времен Услара, Шухардта, Уленбека до наших дней, — замечу лишь, что, по-видимому, применение в подобных случаях традиционной синтаксической сетки остается все же спорным, т. к. в результате подобного анализа искажается специфика изучаемых структур. Впрочем, для тематики данной статьи эта сторона вопроса не играет особой роли. Важно другое. Сопоставление типологических характеристик эргативного и номинативного строя привело И. И. Мещанинова к разграничению в субъектно-объектных построениях двух уровней — формально-грамматического и содержательного. На формально-грамматическом уровне современные индоевропейские языки как языки номинативного типа не знают дифференциации субъектно-объектных структур, обусловленной классом глагола-сказуемого (если не считать изолированную группу дативных конструкций [7]), что характерно для языков эргативного и активного строя. Но это не означает, что подобные различия не выражаются посредством языка: «Грамматическая форма, — отмечает И. И. Мещанинов, — не передает этих различий в положении субъекта, хотя в сознании они остаются и из предложения они не исключаются. Единый падеж (имеется в виду подлежащего) унифицирует строй, но не унифицирует его содержания» [2, с. 7]¹.

Какие позиции займут эти языки в типологических сопоставлениях, базирующихся на содержательных дифференциальных признаках? Каковы эти признаки? А в этой связи более общий вопрос — на чем основывается и как выражается типологическая отмеченность в исследованиях, ориентированных на содержательный аспект языка? Вопросы остаются спорными и в современных работах. Можно сослаться на исследование кельнского профессора Г. Зайлера и руководимого им кружка по универсалиям, которые, однако, посвящены не столько обнаружению универсалий, сколько выявлению различий в формах реализации некоторых смыслов, иными словами, посвящены типологическому варьированию. Ведущим в подобных исследованиях является определение статуса исходных смысловых единиц, получающих разное воплощение в привлекаемых языках. Второй шаг — выделение и характеристика средств типологического варьирования, создающих многообразие языковых структур.

Модель типологического анализа, базисным компонентом которой стала понятийная категория, и явилась своего рода ответом на данную постановку вопроса. В контексте языкознания 30—40-х годов теория понятийных категорий создается как своеобразная антитеза логицизму и психологизму грамматических концепций.

Термин «понятийная категория» встречается у Л. Ельмслева и О. Есперсена раньше, чем в работах Мещанинова (ср. у Ельмслева «*catégorie de notion*» и «*notional or logical categories*» в работах Есперсена), но в их толковании данный термин практически отождествлялся с логическими категориями, в свою очередь понимаемыми отнюдь не однозначно. В концепции И. И. Мещанинова «понятийная категория» является компонентом иерархической системы содержательных операциональных единиц, используемых при осуществлении типолого-грамматических сопоставлений. В эту систему входят также термины «грамматическое понятие» и «грамматическая категория». Только в соотношении с этими двумя компонентами модели описания уточняется содержание термина «понятийная категория языка».

Как неоднократно отмечалось, в лингвистической концепции И. И. Мещанинова содержательный аспект играл ведущую роль. Даже анализ формальных средств синтаксической связи — управления, примыкания, инкорпорирования — был семантически ориентирован. Вместе с тем все большее внимание исследователя привлекал вопрос о соотношении общего и частного в функционировании языка, обобщенных категорий и форм их реализации в разнотипных языках. В этой связи для задач типологических

¹ В этой формулировке остается неясным, какой смысл вкладывал автор в понятие «содержание».

сопоставлений особенно существенным стало разграничение языковых и неязыковых значений, грамматических значений и содержания сообщения (по терминологии И. И. Мещанинова, «категорий, выражаемых в строе языка» и «категорий, выражаемых посредством языка»). «Всякое понятие, существующее в сознании человека, — писал И. И. Мещанинов, — может быть передано средствами языка. Оно может быть выражено описательно, может быть передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать систему. В последнем случае выступает понятийная категория. Она передается не через язык, а в самом языке, не только его средствами, а в самой его материальной части». И дальше вносится весьма важное уточнение: «не всякое передаваемое языком понятие является „понятийной категорией“. Ею становится такое понятие, которое выступает в языковом строе и получает в нем определенное построение. Последнее находит свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе» [2, с. 15]. Следовательно, понятийные категории он рассматривал как категории языковые.

Это положение имело для ученого кардинальное значение, и он неоднократно к нему возвращался. В другой работе он писал: «Выявляясь в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе и в морфологическом оформлении слова, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий» [1, с. 196—197]. В этом кардинальное отличие смысловой структуры термина «понятийные категории» у И. И. Мещанинова, с одной стороны, и в работах О. Есперсена — Л. Ельмслева, с другой. Небезынтересно отметить, что в 50-е годы в критических статьях, публиковавшихся по ходу лингвистической дискуссии, это отличие оставалось незамеченным; бросалось в глаза лишь внешнее совпадение терминов, что, по-видимому, объяснялось недостаточным знанием трудов И. И. Мещанинова.

К понятийным категориям, общим для разных языков, И. И. Мещанинов относил предметность и предикативность, субъект и объект, атрибутивность, модальность, а также количество и качество. Как видно из этого неполного перечня, понятийные категории были соотнесены с единицами грамматического уровня. Они выделялись в процессе создания типологических сравнений, объектом которых было варьирование дифференциальных признаков членов предложения и частей речи. По своей природе понятийные категории ближе всего к языковым содержательным универсалиям: «Понятия субъекта, предиката, предметности, процесса и т. д., варьируясь в своих деталях, объединяют все языки, выступая в них в том или ином осмыслении», — отмечал И. И. Мещанинов в работе 1947 г. [5, с. 323]. Поэтому только определенный уровень формализации превращает их в объект типологических исследований. «Смысловая сторона более общая, поэтому по ней провести классификацию языков по группам и системам не удастся... Тогда как преимущественный упор на формальную сторону в ее типологических соответствиях наиболее подходит для классификационной схемы» [2, с. 4]. Имеются в виду не только различия в морфологическом строе языка, обусловленные разбиением языков на агглютинативные, флективные, так называемые аморфные (точнее — изолирующие), что также учитывалось исследователем, но структурные расхождения, обусловленные дифференциацией более глубинного характера: состав грамматических категорий, соотнесенных с той или иной понятийной категорией, оформление субъектно-предикативнообъектных связей и т. п.

Более определенно и четко смысловая структура понятийной категории выделяется в ее сопоставлении с терминами «грамматическое понятие» и «грамматическая категория». Различия в реализации понятийных категорий, проявляющиеся в индивидуальных чертах грамматического строя отдельных языков, моделируются в противопоставлении понятийной категории грамматическому понятию и грамматической категории. Ведущей является двучленная оппозиция: понятийной категории (уровня обобщенных языковых значений) — грамматической категории (уровню структурных единиц конкретного языка). В этой оппозиции абстрактное,

универсальное противопоставляется конкретному, индивидуальному, материализованному в грамматических категориях соответствующего языка. И. И. Мещанинов писал: «... как при изучении каждого языка в отдельности, так и при обзоре членов предложения и частей речи в разрезе межъязыковых сопоставлений, особое внимание обращается на их действующие грамматические категории. Они служат прекрасным подспорьем при исследовании языковой структуры вообще и при установлении особенностей всякой отдельной привлекаемой системы языка» [1, с. 194]. Неоднократно подчеркивается важное значение грамматических категорий в процессе анализа отдельных языков: «при анализе членов предложения и частей речи приходится учитывать не столько их общие для всех языков признаки, сколько их грамматические категории, т. е. признаки, которыми они характеризуются в каждом конкретном языке» [1, с. 11].

В созданной И. И. Мещаниновым трехкомпонентной системе, основной задачей которой было разграничение разных уровней лингвистического анализа, не все компоненты обладали достаточной определенностью. Это замечание касается прежде всего термина «грамматическое понятие», т. е. среднего звена, или уровня, выделяемых категорий. Выше при определении статуса понятийной категории отмечалось, что они выявляются в лексической, морфологической и синтаксической системах. В дальнейшем автор обособляет лексическую систему, объединяя морфологию и синтаксис и оперируя в основном грамматическими единицами. На этом материале устанавливаются функциональные различия выбранных терминов-понятий: «Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями. Субъект и предикат (логические) будут понятийными категориями. Они же, выявляясь в синтаксическом строе предложения, становятся грамматическими понятиями подлежащего и сказуемого» [1, с. 196]. Грамматическое понятие подлежащего выделяется синтаксической позицией, но оно может получать в качестве маркера и падежный показатель: как синтаксическая позиция, так и падеж являются грамматическими категориями подлежащего. В то же время падеж выступает звеном в другом ряду. Предметность — это понятийная категория, имя оказывается грамматическим понятием, передающим понятийную категорию предметности. Для того чтобы эта понятийная категория стала грамматическим понятием имени существительного, необходимо, чтобы последнее имело свои формальные отличия; если эти отличия образуют систему, они рассматриваются как грамматические категории [1, с. 197].

Состав грамматических категорий не стабилен в разных языках. Нестабильными признаками являются категории рода, падежа, класса. Эта нестабильность или, вернее, отсутствие некоторых грамматических категорий в одних языках и их наличие в других может стать единицей типологической отмеченности.

Среди понятийных категорий выделяются фактически два разряда: они могут выступать 1) в лексике, 2) в синтаксисе и морфологии. Лишь выявляясь в синтаксисе и морфологии, они становятся грамматическими понятиями. Весьма определенно в этом случае применяется дальнейшее разграничение синтаксических и морфологических грамматических категорий. На примере понятийной категории атрибутивности И. И. Мещанинов демонстрирует типологические различия в оформлении грамматического понятия, которым является определение (член предложения). Минимальный дифференциальный признак этого члена предложения — синтаксическая позиция (в том случае, если он лишен показателей морфологического уровня). В тех же языках, где определение получает характеристики в виде системы присущих ему морфологических словоизменительных категорий (согласовательные категории рода, числа, падежа, как, например, в русском языке), оно выделяется в особую часть речи. Эти варианты реализации понятийной категории атрибутивности и грамматического понятия определения обусловлены различиями грамматического строя и, следовательно, типологически отмечены.

При спецификации структур, оформляющих то или иное грамматичес-

кое понятие, а следовательно, и понятийную категорию, И. И. Мещанинов разграничивает дифференциальные признаки синтаксического и морфологического уровней, или, по его терминологии, синтаксические и морфологические грамматические категории. В его теории разграничение это имело принципиальное значение: оно было типологически релевантно. Знаменательно в этой связи критические замечания по поводу расширения понимания морфемы у Вандриеса (И. И. Мещанинов считал, что Вандриес смешивал признаки единиц разных уровней — морфологического и синтаксического): «Даже место, занимаемое словом в строе предложения, признается за критерий морфологического характера... Между тем такие синтаксические средства, определяющие член предложения, остаются связанными рамками чисто синтаксических заданий» [1, с. 17—18]. Особенно строго разграничивались синтаксические и словоизменительные признаки при сопоставлении изолирующих (по терминологии И. И. Мещанинова — аморфных) языков с агглютинативными и флективными языками. По-видимому, не во всем можно согласиться с характеристикой строя изолирующих языков, которую давал И. И. Мещанинов в книге «Члены предложения и части речи», утверждая, что в этих языках понятийные категории получают преимущественно синтаксическое воплощение: вместо морфологических (словоизменительных) показателей в них выступают показатели синтаксические. В такой обобщенной форме положение это по меньшей мере дискуссионно.

В более поздней работе [8, с. 18—19] И. И. Мещанинов, вслед за А. А. Драгуновым, отмечал наличие в китайском языке суффиксов и служебных слов, маркирующих некоторые грамматические категории имени и глагола. Еще Н. Н. Коротков в 60-е годы указывал на формирование в китайском языке в период от X до XV вв. видовременных оппозиций при помощи частиц агглютинативного типа [9, с. 280]. Постепенно вычленилась у существительных категория числа. Вместе с тем нельзя считать случайным, что в китайском языке выделяются такие грамматические категории, которые относятся к несловоизменительным категориям в морфологии даже такого флективного языка, как русский (вид в глаголе, число в имени существительном).

Таким образом, в тех исследованиях, где разрабатывалась теория понятийных категорий, И. И. Мещанинов несколько обобщил и схематизировал типологическую характеристику отдельных изолирующих языков, заменяя ее непротиворечивым конструктом изолирующего типа (о разграничении типологической характеристики конкретного языка и обобщенного типологического эталона см. [10, с. 24]).

Обращаясь, однако, вновь к методике лингвистического анализа, базирующейся на теории понятийных категорий, следует подчеркнуть, что последовательно проводившееся разграничение разных способов выражения содержательных единиц (понятийная категория, грамматическое понятие, грамматическая категория) в принципе было весьма существенно для выявления типологически релевантных различий и типологического изоморфизма разноструктурных языков. В том же направлении шел анализ неграмматических форм выявления понятийных категорий.

В своем исходном определении понятийной категории автор подчеркивал возможность ее выявления в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе и в морфологическом оформлении слова [1, с. 196—197]. В ходе дальнейших рассуждений включение категории грамматического понятия, объединяющего морфологию и синтаксис, привело фактически к обособлению лексики. В связи с этим, естественно, возникает вопрос: кто имел в виду И. И. Мещанинов, когда он писал о выявлении понятийных категорий в семантической стороне лексики? По-видимому, не семантику отдельного слова. Данное предположение подтверждается следующим его высказыванием: «Всякое понятие, существующее в сознании человека, может быть передано средствами языка. Оно может быть передано семантикой отдельного слова, может в своей языковой передаче образовать систему. В последнем случае выступает понятийная категория» [2, с. 15]. Системность средств выявления понятийной категории является

ее существенным дифференциальным признаком, столь важным для принципов типологического анализа. Это положение в лингвистической системе И. И. Мещанинова являлось столь существенным, что он неоднократно повторяет его.

Подчеркивая, что не всякое понятие является понятийной категорией, а только такие понятия, которые получают в языковом строе определенное оформление, он вместе с тем уточнял, что это оформление находит свое выражение в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе. Тем самым лексическая система как условие реализации понятийной категории противопоставляется семантике отдельного слова. Неясным остается, однако, какое содержание И. И. Мещанинов вкладывал в понятие лексической системы, какие требования он предъявлял к неграмматическим структурам, выявляющим понятийную категорию. В качестве единственного примера такой понятийной категории автор приводит выделение в русском языке мужского и женского полов, которое в этом языке является различием понятийным. «Эти понятийные категории выступают в русском языке в лексике, в соответствующей семантике слов, но морфологического выявления в родовых показателях не имеют» [1, с. 196], в отличие от противопоставления «мужской — женский род», которое формально маркируется. По-видимому, к этому типу понятийных категорий относится и оппозиция «одушевленность — неодушевленность» в немецком языке, не получающая грамматического отражения, в отличие от русского, где различие форм объекта при переходном глаголе (типа *я вижу стол, но я вижу мальчика*) указывает на существование соответствующего грамматического понятия. Однако следует признать, что этот тезис в концепции И. И. Мещанинова остался неясным.

В разработанной И. И. Мещаниновым теории понятийных категорий стержневым остается выделение понятийной категории по отношению к грамматическому понятию и грамматической категории. Иными словами, оппозиция «прикреплена» к единицам грамматического анализа. Ведущим фактором в построении данной модели, как уже отмечалось выше, было противопоставление универсального, общего, представленного понятийной категорией, и особого в реализации этого общего в конкретном языке. С этим было связано разграничение уровней анализа содержательных и формальных категорий. В отличие от теории универсалий, основной задачей которой было обнаружение того общего, что присуще всем или большинству языков, для теории понятийных категорий не менее важным оказывается исследование специфического, особого, что свойственно функционированию общего в конкретном языке. Этим объясняется то внимание, которое И. И. Мещанинов уделял типологическому анализу грамматических категорий.

Важно отметить, что описанная система лингвистических понятий была обязана своим возникновением переходу И. И. Мещанинова к проблематике синхронной типологии, но, быть может, не в меньшей степени и частичному изменению в выборе предмета исследования. Не целостные синтаксические построения, не структура предложения явились центральной проблемой книги «Члены предложения и части речи», где впервые эксплицитно описана теория понятийных категорий, но те значимые единицы и классы единиц, которые, хотя они и существуют в разных модификациях только в предложении, обладают своим собственным статусом. Быть может, частично этим объясняется, что в более поздних работах И. И. Мещанинова, посвященных специально синхронной синтаксической типологии, описанный выше понятийный аппарат не используется. С другой стороны, по-видимому, И. И. Мещанинов видел и некоторые недостатки предложенной им системы описания (например, противоречивость в определении роли лексики в языковом моделировании понятийных категорий). Не случайно в предисловии к одной из последующих работ [8] термин «понятийные категории» поставлен в скобки как пояснение к термину «логико-грамматические категории»: «...субъект и предикат, образующие логико-грамматические (понятийные) категории, используемые языковым строем...» [8, с. 6]. Однако методика исследования, разрабо-

танная на основе применения этого аппарата и сочетавшая анализ общеязыковых содержательных категорий и приемов их грамматического оформления в отдельных языках, сохранение принципа системности при характеристике грамматических форм эргативного и номинативного строя [11, с. 7], отличает и последние труды И. И. Мещанинова, отражая существенные черты методологии типологических сопоставлений, связанной с теорией понятийных категорий.

Необычайная популярность типологической проблематики, разрабатываемой в разных аспектах, характеризует развитие языкознания последних десятилетий. Типология становится одним из ведущих направлений современного языкознания. Выделяются при этом типологические штудии, ориентированные на анализ содержательных категорий языка. Обширную информацию по этому вопросу дает материал обзора работ по контенсивной типологии в книге Г. А. Климова [10].

Проблемы контенсивной типологии, сами по себе достаточно сложные, приобрели особую остроту в связи с так называемой теорией «глубинных» и «поверхностных» структур. Пренебрежение к специфике поверхностных структур, непомерное расширение круга содержательных языковых универсалий снимало типологическую отмеченность анализируемых явлений. На уровне глубинных структур исчезало типологически отличное. К тому же иногда анализ языкового факта подменялся анализом внеязыковой действительности. Быть может, этим объясняется появление ряда работ, в которых фактически снимаются типологические различия между основными компонентами грамматического строя английского языка (языка номинативного типа) и языков, обнаруживающих структурные признаки эргативного типа (например, баскского или эскимосского) [12—15]. Нетрудно заметить, что эргативность в этих работах, хотя она и понимается названными авторами различно, лишена тех структурных признаков, которые определяют специфику грамматического типа этих языков (зависимость в оформлении субъекта-признака от характера глагола-сказуемого, особенности согласования между сказуемым и именными актантами, особенности в построении падежной парадигмы существительного и т. д.). Эти явления признаются нерелевантными для определения типа языка, поскольку они рассматриваются названными авторами как поверхностные структуры. Весьма характерно поэтому замечание Дж. Лайонза, что эргативность в индоевропейских языках «затемнена» падежными отношениями и типом согласования, но эти признаки относятся лишь к поверхностной структуре (ср. анализ взглядов Лайонза [16, с. 14]). М. Халлидей рассматривает английское предложение *I like him* как эргативное, поскольку активная поверхностная структура «скрывает» пассивность лица. Поэтому замена более ранних (среднеанглийских) безличных конструкций типа *me likað* современным построением определяется как развитие эргативности. В действительности имелся, по-видимому, иной процесс: замена безличной конструкции при глаголах аффекта, существовавшей в разных индоевропейских языках, личными конструкциями была звеном в универсализации в английском языке схемы предложения «имя в общем падеже + личная форма глагола».

Так изоляция семантико-синтаксических связей от закономерностей их структурирования в формах языка ведет невольно к искажению содержания самих построений. В типологических же исследованиях это приводит к фактическому снятию различительных признаков грамматического строя сопоставляемых языков и тем самым к разрушению самих принципов типологических характеристик. Все настойчивее поэтому выдвигается задача общей типологии: как наиболее адекватно самой сущности языка сочетать выявление и изучение категорий языка, образующих его содержательный каркас, с анализом форм реализации этих категорий? Методика анализа, предложенная И. И. Мещаниновым и основанная на теории понятийных категорий, явилась одной из первых попыток построения такой модели типологических исследований.

1. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л., 1945.
2. Мещанинов И. И. Понятийные категории в языке. М., 1945.
3. Мещанинов И. И. Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936.
4. Мещанинов И. И. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940 (перепечатано в кн.: Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975).
5. Мещанинов И. И. Проблема стадиальности в развитии языка.— ИАН ОЛЯ, 1947, № 3 (перепечатано в кн.: Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975).
6. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
7. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981, с. 208—218.
8. Мещанинов И. И. Структура предложения. М.— Л., 1963.
9. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1963.
10. Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
11. Мещанинов И. И. Основные грамматические формы эргативного строя предложения — В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. М., 1967.
12. Anderson Y. Ergative and nominative in English.— Journal of linguistics, 1968, 4.
13. Halliday M. A. Notes on transitivity and theme in English.— Journal of linguistics, 1967, 3; 1968, 4.
14. Halliday M. A. Language structure and language function.— In: New horizons in linguistics. Harmondsworth, 1970.
15. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. London — New York, 1968.
16. Гухман М. М. Лингвистические универсалии и типологические исследования.— ВЯ, 1973, № 4.